

Авангард шахтерского движения на финише преобразований отрасли

Борис Максимов, Виктор Дудченко
Социологический институт РАН

При чем здесь Петербург? (вместо предисловия)

В предлагаемой вниманию читателей статье речь идет об угледобывающей промышленности, предприятия которой расположены далеко от Петербурга, и об одном профсоюзе подземных рабочих. В начале 90-х на Ленметрострое действовала организация этого профсоюза, в апреле 1990 они даже остановили все горные работы с требованием изменения организации труда и в поддержку требований проходившей тогда всеобщей забастовки шахтеров, но потом за несколько лет фактической консервации метростроя и массовых сокращений эта организация умерла. При чем здесь современный Петербург?

Да, это действительно другой, далекий мир. И, надо сказать, существенно другой. Тем не менее интерес к нему совсем не праздный. Разве не важно знать питерцам, что происходит в отрасли, когда-то бывшей одной из опор народного хозяйства, породившей эпохальное для того времени явление — стахановское движение, отличавшейся высоким уровнем оплаты труда (шахтеры могли позволить себе покупать бывшие тогда предметом роскоши автомобили, могли поехать летом всей семьей отдыхать на Черное море и т. п.)? Разве не интересно сравнить процессы приватизации, развернувшиеся у шахтеров в недавнее время, с коллизиями акционирования, проходившими в Петербурге чуть раньше? Как там у горняков обстояло дело с «миллионами собственников», не отбросили ли они там долой принцип-лозунг, выдвинутый в свое время вдохновителями шоковой народной приватизации?

Даже если забыть про приватизацию, разве питерцам безразлична судьба миллионов жителей шахтерских городков, бывших в начале перестройки одной из главных сил, ломавших прежнюю систему и требовавших свободного рынка, а через непродолжительное время вышедших на рельсы железных дорог с предложением к президенту, которого они же и привели к власти, выполнить свое обещание и улечься на рельсы самому?! Сейчас шахтеров что-то не стало слышно. В чем дело? Жизнь у них стала лучше и веселее? Или они добились погашения задолженностей по зарплате, а большего им и не надо? А может быть, для СМИ стала уже неинтересной позиция горняков, их реальные действия, не всегда гармонирующие с путинской эпохой умиротворения?

Далее, в среде горняков был создан первый альтернативный, боевой и влиятельный, сильный и прорывно настроенный профсоюз — НПГ. А свободные независимые профсоюзы есть и в Петербурге. Совсем не вредно сопоставить их незавидное существование во второй столице с жизнью (и делами) НПГР, удерживающего позиции в непростой шахтерской среде, а главное — в противостоянии с тамошними работодателями, многие из которых (как может далее убедиться читатель) побольше и покруче владельцев и капитанов питерской индустрии. И не просто сопоставить условия, а, может быть, присмотреться к опыту, или даже координировать свои усилия и понимание для преодоления трагических несуразностей, не исчезающих с появлением новых хозяев производств и, в конечном счете, хозяев нашей жизни.

Возвращение 89-го года?

В сентябре 2003 года в профсоюзе НПГР (Независимый профсоюз горняков России) произошло редкостное событие - после четырехлетнего перерыва председателем был вновь избран прежний лидер (Александр Сергеев). Это тот самый профсоюз, который сформировался на волне знаменитых шахтерских забастовок 1989 - 90 года, в дальнейшем инициировал многочисленные выступления шахтеров и отвечал за их организационное обеспечение, был, можно сказать, авангардом рабочего движения. В 98 г. пикет горняков НПГ 4 месяца стоял в Москве под стенами Дома правительства (на Горбатом мосту), требуя добровольной отставки Президента Б. Ельцина. Стук шахтерских касок разносился тогда по всей стране. А. Сергеев, в 89-м году электрослесарь на шахте Томской в Междуреченске, в городе, где вспыхнул пожар всесоюзных шахтерских забастовок, 9 лет был бессменным председателем профсоюза, в том числе и во время пикета 98-го года; затем отошел от руководства в связи с кризисом в профорганизации. Этот кризис отражал кризисное состояние и всего российского профсоюзного движения.

Несколько лет СМИ ничего не сообщали ни об альтернативном профсоюзе НППР, существование которого, впрочем, всегда замалчивалось, ни о шахтерах, обычных "возмутителях спокойствия". Что означало переизбрание А. Сергеева? Возвращение к прежним целям движения? Намерение снова предпринять что-то "типа 89-го года", о чем горняки на Горбатом мосту заявляли еще в 98 году: "как бы новую революцию совершить"? Или тактика предыдущих лидеров не имела успеха? Возвращение Сергеева - это углубление старого кризиса или выход из него? Как вообще дышит сегодня НПГ, авангард?

С такого рода вопросами мы обратились к вновь испеченному председателю НППР через две недели после его избрания. В беседе (интервью), кроме самого А. А. Сергеева, участвовали Д. Р. Михайлов, социолог из Эстонии, и авторы этих строк: Б. И. Максимов, вед. научный сотрудник Социологического института РАН, занимающийся проблемами рабочего движения, и В. П. Дудченко, сотрудничающий с шахтерскими активистами со времен первых рабочих клубов 80-х годов. Получилась коллективная беседа-дискуссия, в которой главным лицом был, конечно, А. А. Сергеев.

Прежде всего, он разъяснил, что никакого возвращения в прошлое или механического переноса чего-то оттуда ("типа 89 года") не имеется, наоборот, речь идет о движении вперед, о новом этапе в деятельности НППР, отражающем новую ситуацию в развитии страны. Для решения именно новых задач и был избран А. Сергеев, который тоже за время отставки не оставался законсервированным в прежнем качестве. Соблюдалось еще одно, своеобразное, но необходимое условие для возвращения Сергеева. Как сказал он сам, НПГ - это не просто профсоюз, это новая социальная общность (группа), такая, какой еще не было в нашем обществе и которая еще только начинает реализовывать на практике свои социальные установки. Эта общность связана не столько организационными, но в гораздо большей степени совместно выработанными человеческими отношениями - необходимо уважительным отношением к товарищу в условиях общей весьма опасной работы, когда ошибка одного приводит не просто к браку, падению его личного заработка или начетам со стороны администрации, а может стоять жизни всем работающим вместе товарищам. Высокая ответственность перед товарищами по работе, необходимо сопряженная с такой же высокой степенью доверия к работе товарища (доверять приходится, поскольку предварительный контроль по ходу работы невозможен) обычно ведет к способности понимать друг друга с полуслова-полувзгляда и к относительной независимости от внешних административно-управленческих усилий. Недаром именно там, где похожий характер труда (например, у докеров или у локомотивщиков), в условиях неспособности администрации вмешиваться в текущую деятельность работников возникали наиболее упорные и пользовавшиеся авторитетом стачкомы, позднее преобразовавшиеся в такие же, как НПГ, альтернативные профсоюзы, в которые был закрыт доступ представителям администрации. Естественно, все, что касается отношений между рядовыми работниками, в полной мере относится и к группам реальных и потенциальных лидеров всех успешных организаций альтернативных профсоюзов, и А. Сергеев признавался там "своим человеком", вполне владеющим навыком такой общей совместной работы.

В самом начале альтернативного профсоюзного движения, среди группы лидеров преобразующихся стачкомов Сергеев был одним из самых молодых, и ему было поручено служебное дело - на него возложили секретарские функции. При отсутствии какого-либо аппарата и при непосредственных личных отношениях между пользующимися авторитетом у себя на предприятиях лидерами такая должность и близко не была к роли закулисного аппаратного манипулятора. Тянувший эту лямку человек должен был быть равно открыт для всех активных участников движения, для всякого нового воянина, судьбу которого должны были совместно решать более старшие товарищи. Секретарь в такой схеме работы должен был помогать сопредседателям формулировать и выражать общее мнение, и вся его работа была на виду. Когда осенью 1991 года Сергеев был избран председателем НПГ России, он долгие годы фактически выполнял ту же работу, помогая выявить совместные интересы горняков и адекватным образом заявить о них. В самое первое время многие лидеры рабочих объединений довольно часто менялись, потому что менялись задачи, да и работа на острие общественного интереса не из легких. Сергеев так долго в первый раз смог оставаться на своей должности потому, что лучше других мог обслуживать процесс формирования общих согласованных решений, он откровенно служил. Конечно, будучи постоянно в гуще борьбы, он не мог не вырабатывать и собственное мнение по всем вопросам - это было его личным вкладом в общее дело, но защищать его перед товарищами надо было общим порядком, на свой страх и риск, тут председатель не имеет преимуществ. Любой член Совета представителей НППР, да вообще любой член профсоюза имел возможность выразить свое резкое несогласие с позицией руководства, и лидеры были вынуждены защищать свою позицию в открытом споре. "Забронзовевших", как

выражается Сергеев, функционеров, успевших поверить в свою исключительность, перестают принимать за "своих", в НПГ это равносильно гражданской смерти.

Отрасль на подъеме?

Первый вопрос А. Сергееву был, естественно, о состоянии отрасли, которое, вероятно, определяет и стратегию профсоюза, как, в свою очередь, ситуация в экономике в целом отражается и на положении горнодобывающих предприятий. Что стало со знаменитой программой реструктуризации? (что-то ее перестали преподносить как способ решения всех бед). Погашены ли, наконец, многолетние задолженности шахтерам или они уже смирились с ними, как, например, с суровым заполярным климатом в Воркуте?

А. Сергеев в первую очередь отмечает, что отрасль, "как считается, на подъеме". Считается, что это произошло благодаря структурной перестройке, в результате закрытия убыточных шахт и предприятий. На самом деле сейчас, вместо уже выработанных, вступают в строй новые, заложенные еще по советским планам перспективные шахты, которые строились во время многомесячных задержек зарплаты. Только теперь они торжественно открываются. Губернатор Тулеев с гордостью заявляет, что вот как мы много сделали в плане оздоровления, благодаря чему шахтеры Кузбасса дают так много угля. *"Присваивать себе заслуги у нас элита научилась еще в советские времена, но мы-то знаем, за чей счет была реформирована угольная промышленность, как люди без зарплаты жили в заброшенных шахтерских поселках у закрытых шахт"*, говорит Сергеев.

Главные же изменения произошли в отношениях собственности. С 1998 по 2003 г. происходил и завершился процесс приватизации. Практически все предприятия перешли в частную собственность. Осталось 2 - 3 спорных объединения, среди них Интауголь, оказавшаяся вдруг никому ненужной. Главными игроками оказались крупные собственники, финансово-промышленные группы (ФПГ). Так, Сибирская угольная энергетическая компания (СУЭК), входящая в ФПГ МДМ, владеет Сахалинской, Читинской угольными компаниями, Востсибуглем, Красноярскуглем, шахтами в Ленинск-Кузнецком. Она добывает около 90 млн. т. энергетического угля в год и контролирует примерно 60% всех поставок на электростанции. Пытается с ними конкурировать "Русский уголь", учрежденный Межпромбанком Пугачева и Роснефтью Богданчикова. Он владеет Гуковуглем, тремя разрезами в Кузбассе, одним разрезом в Хакасии, ведущий подземную добычу на Сахалине.

Игроками на поле приватизации выступают также крупные металлургические ФПГ - Евразхолдинг, Северсталь, Новолипецкий металлургический комбинат. Они владеют компаниями, добывающими коксующийся уголь в Кузбассе, Республике Коми и др.. За металлургическими ФПГ стоят олигархи - Абрамов, Махмудов, Мордашов. Имеются местные олигархи, например, Зюзин в Кузбассе, бывший зам. начальника ВТБ (участок вентиляции и техники безопасности) на шахте "Распадская". Они договорились с директором обогатительной фабрики "Сибирь" и постепенно захватили разрезы Междуреченска, потом их финансовые аппетиты повысились, они купили Челябинский металлургический завод "МеЧел", сейчас борются за Коршуновский ГОК в Иркутске. Есть еще средние собственники и собственники помельче, например, Челябинская угольная компания, компания "Соколовинвест", разрабатывающая Терентьевское месторождение в Кузбассе. Там один из владельцев - бывший первый зам. министра (Евтушенко). Некоторые директора шахт, помимо того, что являются гендиректорами холдингов, имеют еще несколько шахт в личной собственности, к примеру, Лаврик в Новокузнецке.

Сергеев приводит еще "пару примеров" борьбы за угольную промышленность.

Красноярск. ФПГ МДМ стартовала раньше всех, быстро купила Читауголь, Востсибуголь, опираясь на губернатора Лебеда (перед его смертью), положила глаз на Красноярскуголь. Туда же пошел "Русский уголь" и, используя свои связи, сделал ставку на Законодательное собрание края, которое по закону контролировало продажу исполнительной властью пакетов акций, размером более чем в 10%. МДМ с Лебедем в обход закона раздробили акции на три пакета по 9,5% и отдали в управление МДМ. Когда пришли пугачевские из "Русского угля", было уже поздно: МДМ через СУЭК разогнала все акции, потом снова согнала их в одну компанию, опять разогнали, согнали, трижды делается эмиссия - и все, после этого концы не найдешь. Они вытесняют Генералова, бывшего министра топливной промышленности, который продает все свои акции и покидает угольную отрасль. Во время всех этих событий произошло убийство человека, который занимался переговорами; но как связано одно с другим - неизвестно.

Воркута и Инта. В воркутинских, преимущественно коксующихся углях, заинтересована Северсталь Мордашова и СУЭК обменивает у него свое право участия в аукционах по Воркутауглю на

принадлежащие Мордашову шахты в Кузбассе, добывающие 10 млн. т. энергетического угля в год. В результате Интауголь со своими тоже энергетическими углями осталась не при делах. СУЭК, пока ею управляла, отодвинула с рынка северо-запада интинский уголь, заменив его своим кузбасским. Сейчас интинский уголь нигде не востребован, в итоге город надо закрывать! При этом "партнеры" сумели по мелочи надуть друг друга: СУЭК, уходя из Воркуты, оставила Мордашову долгов на 50 млн. рублей, а Мордашов в Кузбассе вместе с шахтами не отдал наземные здания. Можете представить состояние, ситуацию... Конкуренты ворочают миллиардами, а на копейки ущемляют друг друга...

Таким образом, если отрасль и прогрессировала в чем-то, так это в плане приватизации. Д. Михайлов добавляет к этому, что если смотреть с точки зрения западных моделей экономики, приватизация была неизбежным процессом. В Прибалтике возвращаются даже прежние, довоенные собственники. Но в России приватизация оказалась практически не связанной с повышением эффективности производства, и, соответственно, говорить о прогрессе отрасли можно весьма условно, может быть, как о предпосылке на будущее. Для социологов самое главное, какие последствия этот процесс имел для шахтеров.

Как отразилось на рабочих?

А. Сергеев говорит, что во всех перипетиях приватизации рабочие никакого участия не принимали, продажи-перепродажи происходили за их спинами, их мнения никто не спрашивал. Хозяев теперь стало много, раньше был один - государство. Борьбу приходится вести на множество фронтов. И в этих условиях очень важна единая политика профсоюзов и поддержка друг друга.

Общее у крупных собственников состоит в том, что они какой-то порядок наводят. Во-первых, сразу начинают платить текущую зарплату, проблемы с задержками исчезают. В их финансово-промышленных империях шахты занимают лишь часть, и они могут регулировать финансовые потоки. Во-вторых, они берут под жесткий контроль эти финансовые потоки, материально-техническое снабжение. Заменяют старое руководство или ставят его в жесткие рамки, как при советской власти: хочешь купить оборудование - докажи, что оно нужно! Напиши бумажку, докажи в Москве. Они затыкают дыры, пресекают все попытки местного воровства. Сами воруют по-крупному, а мелкоте не позволяют.

По отношению к работникам они жестко урезают льготы, отказываются заключать отраслевое тарифное соглашение; колдоговора на уровне предприятий заключают, но берут только те обязательства, которые посчитают возможными для себя; сколько захотели, столько и дали.

Вопрос: А как же в этих условиях чувствуют себя рабочие, на что они настроены?

А. Сергеев восклицает: *А как могут чувствовать себя люди, уставшие от прежних невыплат, теперь, когда стабильно получают заработную плату?! Средняя зарплата по отрасли сейчас около 7,5 тысяч, в Ростовской области получают от 3,5 тысяч, на отдельных предприятиях Кузбасса до 12, 13, 14 тысяч. Рабочие доведены были до такого состояния, какое Ленин предлагал для врагов советской власти: чтобы они за корочку хлеба положили на алтарь строительства социализма все свои знания и опыт...*

Реплика: Только здесь на алтарь строительства капитализма?

А. Сергеев: *И рабочих нельзя ни капельки обвинять. Они не очень-то готовы бороться за какие-то блага по отраслевому тарифному соглашению. Они все равно их не получали. Они зарплату не получали! Положенные доплаты-льготы получали только через суд! Через судебного пристава, и то в порядке очереди. Приведу пример из Челябинска. Стоят наши активисты, стараются привлечь внимание. Рабочие бегут мимо, отворачиваются, уходят. Там платят, можно сказать, минимум - всего 5 тыс. Но стабильно. И еще 25 рублей бросают на бесплатное питание. Как один активист сказал: - "За пирожок продались!" - рабочие оборачиваются, кто-то говорит - "Ну, проданся я, да, я проданся!" Голодные люди находятся в процессе насыщения, а много голодавший человек даже корочку хлеба прячет себе под подушку. Конечно, он скажет, что все это надо, что правильно то, что мы делаем и к чему призываем, но на самом деле он пропустит все мимо ушей. Я думаю, ситуация с состоянием рабочих проявится при заключении колдоговоров. И наша стратегия будет зависеть от того, как мы оценим психологическое состояние рабочих, сможем ли мы выйти на отраслевое соглашение на уровне России, или останемся на уровне колдоговоров и областных, региональных соглашений.*

Авторов давно поражало, что предприятия продаются, перепродаются только как комплекс оборудования, зданий, словно там и нет живых людей, трудовых коллективов. Вот и у горняков то

же самое. Хотя завод, шахта - это социотехническая система, в которую тесно вписаны работники, составляющие ее неотъемлемый - и ведущий, определяющий элемент. Люди привязаны к предприятию, оно часть их жизни. Фактически при продаже предприятия происходит продажа и вписанных в них работников, почти как крепостных. Только в отличие от крепостных, здесь - бесплатно, как бы в придачу к оборудованию. Знаменательно, что работники сами воспринимают ситуацию именно так, говорят: "Продаемся" (тому-то), "нас купил" (тот-то). И полное игнорирование при этом мнения, голоса работников нас поражает, просто потрясает. Могут сказать: во всем мире так делается. Да. Но это еще не значит, что правильно делается. В мире и не такое делается.

Б. Максимов в своих исследованиях уже отмечал явление психологической подавленности, когда лишения, унижения переходят критическую черту, за которой у людей не остается сил для сопротивления, даже для протеста. Сергеев говорит еще об одном, сходном явлении - психологическом состоянии голодавшего человека, которому только что кто-то дал поесть, а он все равно прячет про запас сухую корку. Социолог А. Сарно отмечал еще "социальное смирение". С рядом подобных комплексов, как последствий невиданного унижения рабочих, мы, вероятно, будем сталкиваться и дальше даже при некотором улучшении положения "синих воротничков".

Жив ли НПП?

Итак, шахтеры, хотя и вошли в специфическое состояние долго голодавшего человека, перебиваясь без работы и зарплаты, все же в основном выжили. А жив ли НПП, всегда бывший авангардом рабочего, по крайней мере, шахтерского движения? Как уже говорилось, в последнее время о нем не было слышно, как и горняках вообще. Может быть ангажированные СМИ просто замалчивают? Или он разделяет судьбу некоторых других альтернативных профсоюзов, не расширяющихся, как следовало бы ожидать, наоборот, теряющих людей и влияние, теперь вот и в законодательном порядке лишенных многих своих прав? НППР до некоторой степени символизирует все новое, свободное профсоюзное движение.

А. Сергеев в первую очередь добавляет: *НПП и часть новых профсоюзов - это не просто "свободные", это действительно альтернативные профсоюзы. Строго говоря, даже не совсем профсоюзы. По форме они - профсоюз, а по сути, как уже говорилось, - это новая социальная общность. Раньше большинство населения и элита жили как: говорим одно, делаем другое, думаем третье. Потом, в 1989 году, может быть, благодаря Горбачеву, как стало: "Давайте говорить правду!" Мы поверили, мы честные были. Так и начали жить: по-старому мы не хотим, что мы думаем, то и говорим, что говорим, то и делаем. В конце 80-х это было массовым, но и сейчас, если есть на предприятии таких новых 10 человек, которых не пугает конфликт с местной элитой, и они собрались, и решили сами создать свой профсоюз, то это их объединение есть часть той самой новой общности.*

Вопрос: Значит, альтернативное движение произрастает не столько из тяжелейших условий, сколько из общности людей? И залог его существования в том, что есть такие новые люди?

А. Сергеев: *Мы по-разному пришли к такому состоянию... и от отчаянного положения, и от новых отношений между людьми. Пока мы не можем сформировать, четко обозначить свои ценности, общие представления как социальная группа. Но процесс становления происходит. Внутри мы грыземся, и энергично. Я говорил об этом на 10-летию НПП СССР, и на 10-летию НПП Украины в Киеве. Я говорю людям: вы, ребята, элита. У меня даже тост был: "Я пью за вас, за новую элиту новой России!" Мужики мне говорят: "Ну, какая мы элита?! Да у меня и брюк-то порядочных нету". Отвечаю: "При чем здесь брюки?! Ты своими делами, поступками формируешь новое мировоззрение. Новое! Ты чище всех этих признанных элит. Ты богаче, ты душевно богаче, потому что хочешь быть свободным человеком, ты хочешь, чтобы тебя уважали... Хотя еще не всегда научился уважать других, но требуешь, чтобы первой ценностью стало уважение к человеку".* Исходя из этого и проблемы альтернативных профсоюзов происходят не только из материального положения рабочих и отношения их профсоюза с властью и работодателем.

Положение же организаций НППР двойственное. Много таких, которые прочно стоят на ногах и, в борьбе с местной властью и работодателями, а то и совместно с ними, в рабочем порядке решают назревшие проблемы на предприятии или в городе. Решают, несмотря на то, численность НППР в целом заметно упала: с 99-го и до того, как Сергеева снова выбрали председателем, сократилась примерно в 2 раза. И по членству, и по количеству организаций. Связано это в первую очередь с тем, что много шахт закрыли, 182 шахты полностью ликвидировали. Потери связаны и с внутренними процессами. Некоторые активисты устали, не видели цели, оппонент потерялся: новый собственник

еще не пришел, а государство бросило и привычная апелляция к нему больше не помогает. Некоторые организации, от 10 до 150, до 300 человек еще борются за признание.

А. Сергеев рассказывает, как их давит местная элита: *"Кто ты такой? Что за "право" такое? Что за "закон"? Я вам здесь закон!" - говорит директор или местная власть. Или: "Ну-ка, мент, посади-ка его!" Или в местную налоговую службу звонит: "Дуська, ты же кума моего брата, устрой-ка этому профсоюзнику веселую жизнь!" И вот приходит Дуська, знакомая директора из налоговой, и устраивает в профсоюзной организации, где всего-то 54 члена профсоюза, всего три тысячи в месяц собирают, мелочь только покупают для своих нужд, тотальную проверку. Опечатывает помещение, арестовывает счет и на полгода выбивает их из всех дел. Ситуация довольно-таки тяжелая.*

Авторы отмечают, что все это, как правило, происходит в условиях информационной блокады. НПГ живет и формирует свои собственные цели и методы при поразительном безразличии со стороны общественности. Рядовой гражданин что-то узнает о борьбе шахтеров и акциях НПГ только если он живет рядом с шахтами и разрезами, или, почему-то оказавшись на Пресне, сквозь шум машин услышит отраженный от фасада Белого дома рокочущий грохот касок о мостовую. Да что говорить о журналистах, работающих для широкой публики, много ли представителей академической науки, социологов имеет доступ в трудовые коллективы, в шахты и на предприятия, где разворачивается деятельность НПГ и других альтернативных профсоюзов?

Вопрос Б. Максимова: Будучи в Кузбассе, я слышал от горняков, что вот новые московские лидеры оторвались от масс, тратят деньги не по назначению...

А. Сергеев: *Был конфликт. Обсуждалось выражение недоверия. Но, как писал один парень из Красноярского края: "Что мы валим все на лидера? Он такой же человек, как и мы, и работает, как умеет. Ошибается, в том числе. Сами мы что смогли сделать на своем месте?!" Да, от лидера тоже зависит что-то. Но я недавно мужикам говорил: Давайте называть не председатель НПГ, а бригадир! А на местах, в регионах - звеньевой! Как на шахте - если в звене проблема, что делает бригадир? Плохой бригадир материт мужиков, а хороший спускается с ними в смену в ночь, работает с ними наравне, и они вместе смотрят, как исправить дело. Центр тяжести - в первичках. Сильные первички - сильный профсоюз в целом. Надо помогать слабым первичкам становиться на ноги, учиться у сильных. Я, когда выступал на выборах, говорил, что мне 2 года придется ездить и помогать первичкам.*

Вопрос: В связи с вашим переизбранием можно говорить о возвращении прежнего стиля работы?

А. Сергеев: *Прежнего стиля не будет. Я на съезде говорил про 3 задачи. Первейшая из них - организационная. А в ней 3 подзадачи - укреплять первички, помочь им встать на ноги, создать информационно-аналитическую сеть, чтобы мы друг с другом обменивались информацией, и третья - восстановление доверия, искренних отношений, то есть солидарности. Солидарность не может быть без доверительных отношений между личностями. У нас это между председателями федеральных, региональных и первичных организаций, и между председателями первичек и рядовыми членами профсоюза. Восстановление доверия - одна из главных задач. Были справедливые претензии и ко мне. Значит, мы о чем-то не договорились, друг друга в чем-то не поняли. Забронзовел немножко.*

За что теперь бороться рабочим?

При всех бодрых заявлениях о том, что НПГ жив, перед ним, как и перед другими альтернативными профсоюзами, стоит проблема выживания, отсюда - задача сохранения численности, получения признания, в т. ч. изменения законодательства, ударившего больше всего именно по новым профсоюзам. Это задачи выживания профорганизации как таковой. А на какую борьбу, за что (и с кем) она собирается нацеливать рабочих в сегодняшних условиях?

А. Сергеев говорит, что у него на этот счет есть "некоторые технологические заготовки". Это, прежде всего, идея еще 89-го года и на 10 лет вперед стратегическая задача - переход на повременную оплату труда. Сейчас ее постановка реальна. Первый этап - определение базовой тарифной ставки по отношению к величине потребительского бюджета шахтера, необходимого для воспроизводства его рабочей силы (эта работа один раз уже была сделана сразу после образования НПГР), второй - увеличение повременной составляющей в заработной плате, снижение сдельщины. *"Это для председателя первички, который бодается у себя, спрашивает - куда дальше-то идти сейчас, когда все вроде бы нормально - объединяющая идея. Вот, видишь, здесь минимум, который*

ты должен получить, чтобы не сдохнуть через некоторое время с голоду на такой работе. А дальше за то, что ты пахнешь, за твои руки, за умение работать, и по тарифному разряду, а не за тонны... Преимущества этого подхода многим надо отдельно объяснять."

Конечно, эта идея может спровоцировать конфликт. Такой статус наемного рабочего неприемлем для многих работодателей - тех, кто не может ни жестко регламентировать всякое движение рабочего (в сложных условиях горных выработок это привело бы к авариям и остановке работ), ни организовать производство так, чтобы рабочему было удобно работать, а мыслят себя лишь в качестве контролеров-надсмотрщиков над заведомо нерадивыми работниками. Альтернативные же профсоюзы, может быть, к сожалению, более эффективны в виду ясной, определенной конфликтом цели. В рутинных условиях они еще учатся работать, в конфликтах же происходит мобилизация. *"И такой процесс НППР может запустить"*, говорит А. Сергеев.

Второй стратегической задачей А. Сергеев называет заключение отраслевого тарифного соглашения: *"Ведь я предполагаю, что Росуглепроф на переговорах полностью сдает все позиции. И что там наш небольшой профсоюз сможет добиться - то и удастся закрепить для всей отрасли. Сейчас идет налаживание механизма взаимодействия и поиск методов эффективного воздействия на собственников. Против крупных собственников, этих монстров, забастовки бессильны. Ему "до лампочки" забастовка на шахте, он покроет убытки из других источников. Забастовка будет бессмысленна. Надо искать какие-то другие методы. Собственник пойдет на переговоры тогда, когда конфликт поставит под угрозу всю его финансовую систему, или сложившиеся связи с властью, или даже международную репутацию. Я это понимаю, это должны понимать и наши региональные лидеры, и активисты первичек."*

Вопрос: Вы собираетесь сосредоточиться на рутинной работе или реализации какого-то крупного, глобального проекта?

А. Сергеев: *И на том, и на другом. Стратегическим проектом у нас будет внедрение повременной оплаты труда. В нем тоже много рутинной работы: а) рассчитать по регионам минимальную потребительскую корзину горняка, б) отдать это мужикам, чтобы они сравнили со своей заработной платой, в) анализ экономического состояния конкретного предприятия и отрасли в целом, как мы это видим. Проект зависит от того, какой доли повременной оплаты в себестоимости мы сможем добиться. Это ведь не просто изменение формы оплаты! Повременка влечет за собой необходимость внедрения высокопроизводительной горной техники, повышение профессионального, образовательного уровня шахтеров. Вообще она возможна только при высокой производительности труда.*

А параллельно текущие вопросы, когда по главной проблеме сделаны наработки. Это - соблюдение прав рабочего на предприятии, нормы выработки, увеличение текущей зарплаты, состояние охраны труда, путевки, то есть все, что волнует человека. Пропаганда колдоговора. Параллельно воспитание прокурора, чтобы он надзирал, судьи - чтобы судил по закону, а не по телефонному праву, местной власти - чтобы не врала, и тому подобное.

Национальные особенности борьбы шахтеров

Горнякам приходится сталкиваться и с "национальными особенностями" борьбы, обусловленными и советским прошлым, и появлением в конце 20-го столетия дикого капитализма из восемнадцатого века. В связи с приватизацией отрасли сказывается, наверное, отсутствие опыта отношений с частными собственниками?

А. Сергеев отвечает: *Почему же отсутствие опыта?! Сейчас отрабатывается опыт в Норильске, где прямая схватка! Будем смотреть и учиться. Я примерно знаю, что они (собственники) будут делать. Возможно, это можно отнести к национальным особенностям. Они будут создавать свои корпоративные профсоюзы на базе ФНПРовских. Ручные, желтые профсоюзы. В Челябинске они хотели вообще ликвидировать профсоюз, даже ФНПРовский. Но, поскольку московское начальство Росуглепрофа было вхоже в Администрацию Президента, то они и пожаловались. Оттуда позвонили куда "надо", и собственник для вида оставил организацию, но председателем гендиректор поставил своего помощника по связям с общественностью. Мол, раз ты хочешь, форму соблюдем, но люди там будут мои. Сегодня в Горнометаллургическом профсоюзе обсуждали, как противостоять крупным собственникам, создающим свои профсоюзы. Присутствовал Шмаков, Тарасенко и Миронов, председатель Роснефтепрофсоюза. Здесь в Москве их теркомовцы говорят: "Мы против!", а на местах у себя уже все подписали. Нам еще предстоит пройти проблему соглашательства.*

К национальным особенностям можно отнести то, что сейчас "правду-матку" нигде не найдешь. Даже при советской системе, когда мы, начиная со стачкомов, создавали НПП, была вертикаль страха в лице КПСС, в которой правду-матку можно было попытаться найти... Пускай один шанс из тысячи, но такой шанс был! А сейчас не найдешь! Вся система государственной власти размытая, не найдешь человека, который бы написал - и началось решаться! Второе: сами собственники обладают громадными финансовыми и другими ресурсами, имеют соответствующую выучку. Вот гендиректор СУЭКа Мисевра прошел Высшую школу МВД тыла, мент-тыловик. Да они наймут молодых беспринципных социологов, креативщиков-технологов... На худой конец они наймут обыкновенных беспредельщиков, которые будут в морду бить. Еще одна опасность - использование профсоюза криминалитетом для того, чтобы рэкетировать собственников. Такой факт уже есть. Смотрящий по городу поставил своего человека в профсоюз и теперь пытается использовать его в качестве дубины, чтобы шантажировать хозяина в Москве. А это в данном случае транснациональная компания. У хозяина своя охранная система, он не пускает смотрящего на предприятие, к финансовым потокам. Тот и решил использовать профсоюз, чтобы раскачать ситуацию, устроить там дикую забастовку, трясти ею, чтобы потом на него вышли, а он скажет: ну давайте я все разрулю, у меня все под контролем! И этой опасности при советской власти не было. А она реальна, когда профсоюз становится боевым, сразу найдутся охотники использовать его. Плюс то, что суды, прокуратура на местном уровне - они все окажутся под этим крупным собственником. И местная власть тоже. Но это вряд ли уникальные особенности России.

Поддерживать Путина?

Когда-то шахтеры НПП поддерживали Б. Ельцина, по крайней мере, так считалось. Как сейчас горняки относятся к ситуации в стране в целом, в том числе политической, как воспринимают действия властей, сегодняшних ретивых реформаторов, вообще режим, олицетворением которого является нынешний Президент? Нет ли намерения поддерживать и Путина, раз он внедряет в России либерализм, и, может быть, добиваться особых отношений с ним? НПП был склонен к поддержке демократов первой волны, правительства Е. Примакова. На Горбатовом мосту шахтеры провозглашали готовность "менять все", даже учредительное собрание созывать. Сегодня они все приемлют? Или, как свойственно многим альтернативным профсоюзам, абстрагируются от политики, что означает, в общем-то, что не подвергают ее сомнению?

А. Сергеев: Понятно. Вопрос понят. Не могу не разъяснить позицию насчет Горбатого моста 98 года. Прежде Горбатого моста и выступления против Ельцина, была еще март-апрельская забастовка 91 года, организованная шахтерскими стачкомами совместно с первичками НПП с требованием отставки Горбачева. Иногда пытаются выдергивать отдельные эпизоды из всего контекста развития НПП. Пускай народ помнит последнее, но мы своим стоянием у Белого дома покаяться перед народом за то, что нас ассоциировали с Ельциным. Нас привязали в 91 году к Ельцину, хотя мы и не собирались его поддерживать. В 98 году нас так же хотели использовать политические силы. И если в 91 году мы были незрелые и позволили так называемым демократам использовать шахтеров в борьбе с Горбачевым, то в 98-м не допустили совсем другую попытку - левых оппозиционеров и номенклатурной оппозиции использовать шахтеров в борьбе с Ельциным. Моя задача была: предложить стране собственную позицию НПП и не дать использовать шахтеров для провокаций. А если окажется, что время еще не подошло и реальной поддержки пока нет, то выйти из акции достойно и с деньгами для мужиков. Были попытки сделать из шахтеров "невинно убиенных младенцев", чтобы "пепел Клааса стучал в сердце" и дивизии возмущенных военных шли на защиту бедных шахтеров, сметая все подряд. С другой стороны, еще раньше меня пытались купить, мне дали статус члена президентского совета, но я понимал, что это покупка. И когда стал вопрос о выборе: или с шахтерами остаться, или сесть в Кремль и работать против шахтеров, я остался с шахтерами. Хотя прекрасно понимал, что у меня возникнут проблемы.

Вопрос. Но как относительно сегодняшней политики?

А. Сергеев: Так у нас нет настоящей, реальной политики в стране! И относиться не к чему. Реальной политикой занимаются профсоюзники и отдельные активные личности в регионах, отдельные небольшие правозащитные организации, которые воспитывают суды в регионах, воспитывают местную власть, воспитывают прокуратуру. Пытаются заставить государственную систему жить по законам. Вот они занимаются черновой политикой. А все остальное - политиканство! Нет идеологии. Ее нет в том числе и у коммунистов. Есть партия

коммунистов, работающая на недовольстве, партия бюрократии, власти, и попытка крупных олигархов объявить СПС партией крупного капитала. Плюс небольшие карманные партии вождей разного толка и диванные тусовочки интеллигентов. Нашей партии нет.

Но работать все равно нужно будет в этом направлении. Политики на каком-то уровне обладают влиянием, поэтому мы их будем использовать как инструментальных помощников. Это нужно четко и ясно говорить ребятам. Надо будет, хоть с чертом сядем, надо будет - с Жириновским пойдем. Но для конкретного дела, ради пользы для рабочего. Но продаваться им не будем. У нас ребята этому уже научились, они деньги возьмут, скажут "да", деньги даешь - берем! Тебе надо человека в партию - на! У нас уже так делают на местах. Ну, ты нам сделай, а потом - гуляй, Вася! Прагматизм. Если они так ведут себя по отношению ко всему народу, то почему отдельные организации из народа должны к ним относиться по-честному?

Вопрос: Собираетесь ли вы использовать думскую кампанию, чтобы кого-то из своих туда выдвинуть, забросить, использовать в качестве трибуна хотя бы?

А. Сергеев: Нет. А зачем мы должны терять туда людей? Пусть туда Храмовы вместе с Павлом Бородиным идут. Ситуация такова: представьте, попал в Думу вождь из региона, перед ним открываются громаднейшие соблазны, зачем мы будем ломать человеку судьбу? Зачем его вставлять на место Фауста? Его там Мефистофель будет соблазнять, когда нам здесь нужно создавать прочную почву, внизу! Попадет кто-нибудь - дай бог! Но мы уже будем знать, что для нас это отрезанный ломоть.

Получается, что авторы не вполне правомерно задавали вопрос о поддержке тех или иных политических лидеров. Абстрагирование НПП от политики, как, видимо, и других альтернативных профсоюзов, не означает, как мы предполагали в своем вопросе, что они не подвергают сомнению существующую политику, ее необходимость. Они сторонятся ее совершенно, не приемлют ее категорически, в лучшем случае они относятся к ее деятелям как к мелким жуликам, с которыми не может быть никаких честных отношений, а в худшем видят за нею физиономию Мефистофеля. Они относятся к политике и к ее функциональным структурам, как к совершенно негодному, ненадежному и продажному инструменту, в принципе не соответствующему тем задачам, которые призвана выполнять в обществе политика. Не просматривается возможность партнерского взаимодействия с какими-либо наличными политически оформленными субъектами. Даже свой человек, ушедший "в политику", начинает восприниматься как посторонний. Взамен появляется стремление самостоятельно, в кругу иных контактов и иными методами выполнять функции, взятые политическими деятелями и структурами. Задача, хотя и в деликатной форме, ставилась основателями НПП весьма глобальная.

А. Сергеев говорит: Нужно читать устав НПП внимательно. Целью НПП записано не просто "защита интересов трудящихся", а "выявление, выражение, реализация и защита социально-экономических интересов горняков", то есть мы, как социальная группа, научились вы-яв-лять, и в какой-то для себя форме вы-ра-жать интерес, коренной интерес, который есть у горняков. Вот вам говорили на пикете: "надо все менять", они чувствовали это. Меня много били перед уходом с пикета - ведь мы уходили перед акцией ФНПР, говорили: вот вы уходите до ФНПРовского марша! Мол, мы предатели! Я на пресс-конференции говорил: мы поиграли мускулами и ушли! Мы свое сделали! Мы этих звали, где они были? Мы в гробу видали! У вас своя свадьба, у нас своя. И, кстати, власть это поняла! Горняки пришли, постояли, левым не продались, правым не продались, свое взяли и ушли. Мы стояли, а ведь там кое-где и рельсы перекрывали. Я не могу сейчас сказать, что это было по моей команде, потому что уголовные дела не закрыты, но мускулами мы играли! И ушли обратно. Деньги взяли полтора миллиарда, свое забрали. Наши зарплаты.

Авторы полагают, что специфическая позиция НППР была не так проста, как это может показаться, и не исчерпывалась требованием выплаты начисленных зарплат. Ведь играть мускулами, показывать существование своей, никому не подконтрольной социальной силы - один из главных политических методов. Самое сильное оружие - угроза выступления рабочих. Ее боятся даже больше реальных действий. Кроме того, реальной, но не оформленной в качестве ультиматума угрозе проще уступить "без потери лица". Очень трудно оценить действительную роль таких скрытых угроз, но, например, на время четырехмесячного пикета 98-го года приходится не только премьерство Кириенко с дефолтом и Примакова, удовлетворившего требования горняков по возврату задолженности, но и краткое возвращение Черномырдина. Неизвестно, осталось ли бы оно таким же кратким, если бы не психологическое давление круглосуточного пикета у проходной дома правительства, хотя в НППР такой заслуги никто себе не присваивает.

Это правда - альтернативные профсоюзы на самом деле лучше мобилизуются в конфликтной ситуации, но практика показывает, что конфликты с оппонентами сами по себе не являются их

целью. Они до последнего стремятся разрешить конфликт миром и старательно избегают провокаций. Даже требование отставки Ельцина было заявлено не столько как политическое, сколько как моральное требование "признания вины и добровольной отставки", что постоянно подчеркивалось на всех уровнях. В случае же явных неудач они отходят в сторону и, по какому-то странному сходству со змеей, или с крупными хищниками из отряда кошачьих, не нападают два раза, если первая попытка не принесла результата. Возможно, это результат определяющей связи активистов и лидеров профсоюза с рядовыми членами. В последние недели пикета 98-го года на пикет, бывало, доносилось такое частное мнение с мест: *"Хватит вам там при правительстве прохлаждаться, когда тут такая собачья жизнь! Видите же, что не получается у вас - нет у них там совести!"* Выказывалось негативное отношение даже к таким нерегламентированным формам политической активности, как публичный протест. Новая социальная общность, проявляющаяся в альтернативных профсоюзах, не стремится во что бы то ни стало сломать внешний для нее уже сложившийся порядок или силой захватить в нем какие-то руководящие позиции, а более ориентирована на собственный внутренний рост за счет изменения преобладающих форм поведения все большей массы людей и мирного изменения общественного сознания в целом.

А. Сергеев: *Я приведу такой пример. Паша Шумкин, мой товарищ, "брат по оружию" и ветеран из Караганды, рассказывал: "Я ехал через 8 границ, на плацкарте, петляет там поезд, и разговорился с человеком, он потом сошел на какой-то станции, в Черноземье, там и шахт-то никаких нет. Ну, разговариваем за жизнь, он и говорит: "Вот 8 месяцев зарплату мне не платили, я в суд взял и подал. И высудил. Зарплату плюс моральную компенсацию." А Паша Шумкин, он у нас такой разговорчивый парнишка, говорит: "Да, у нас в Казахстане тоже можно высудить, но получить нельзя!" А тот отвечает: "А я получил! Мне тоже сказали, что денег нет. Я пошел к приставу, тот пошел к директору и сказал, что сейчас мы твой джип арестуем и продадим!" Паша говорит: "Да-а, а вот у нас нельзя будет получить! А ты знаешь, почему у тебя так получилось?", - а мужик и посадил сразу: "Знаю! Благодаря шахтерам!" Он и шахтеров-то никогда не видел, но знает, что благодаря борьбе шахтеров появилась возможность ему добиться какой-то справедливости! Для его конкретного дела! И вот эта вещь - это просто бальзам на душу!*

Убийственный аргумент?

Можно разворачивать борьбу шахтеров, и в экономическом, и в политическом плане. Но как будто бы висит убийственный аргумент об убыточности отрасли вообще, в целом. В западных странах позакрывали добычу угля как нерентабельную. Получается, что шахтеры выступают как бы против ветра времени, против прогресса...

А. Сергеев на этот "убийственный аргумент" приводит свои возражения: *Во-первых, НПП не выступал тупо, в принципе против реструктуризации (а только против того, как ее проводили). Проводите реструктуризацию, но не кидайте людей! Уже не средние века. Во-вторых, об убыточности говорят те люди, которые хотят получать дотации. Либо непосредственно, либо потом ему перепадет. Разговоры про Англию и тому подобное - это все туфта! Там недаром 140 тысяч шахтеров целый год бастовали. Верят в убыточность те, кому это нужно. Фактически отрасль уже 2 года как не дотируется! Дотации выдаются в виде связанных кредитов или дотациями компенсируется часть банковских процентов по кредитам. У нас большая инерция, только через 7 лет отдача пойдет. Дотации сейчас идут только на закрытие шахт и на социальную защиту освобождаемых шахтеров. Дотации были в плановой экономике или в регулируемой рыночной в Европе, чтобы стартовать, чтобы частники не поднимали цены на уголь. Сейчас цены на уголь свободные. Повторяю, представление о нерентабельности создают те, кто хотел бы по дешевке скупить шахты или на халяву, получать дотации. А что касается Англии, борьбы Тэтчер с шахтерами и борьбы шахтеров с правительством... она же определялась не только экономическими соображениями, и шахтеры воевали не только слепо спасая свою шкуру. Они видели, в чем дело.*

Таким образом, у шахтеров есть почва для существования. И они могут не испытывать чувства бесперспективности, или даже вины за свое сопротивление. С подходами, применяемыми правительством, можно любую отрасль объявить безнадежной (что и делается, например, относительно текстильной промышленности, радиоэлектроники). Можно и картошку возить из Австралии. Разумеется, международный обмен нужен, но разумный же.